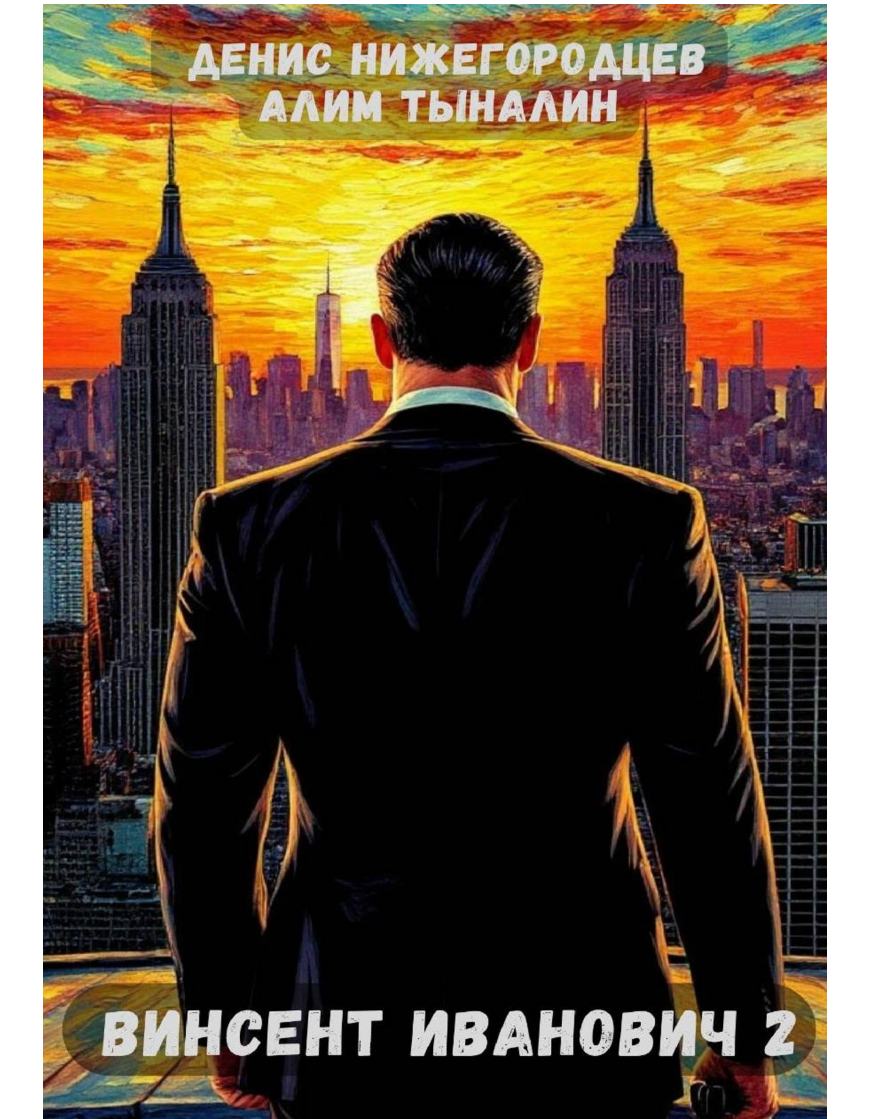

A man in a dark suit is seen from behind, looking out over a city skyline at sunset. The sky is a vibrant mix of orange, yellow, and red. Two prominent skyscrapers, resembling the Empire State Building, stand on either side of the man. The city below is densely packed with buildings.

**ДЕНИС НИЖЕГОРОДЦЕВ
АЛИМ ТЫНАЛИН**

ВИНСЕНТ ИВАНОВИЧ 2

Денис Нижегородцев Винсент Иванович - 2

<https://litres.ru/74362697>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая часть саги о нашем человеке в Америке 70-х... Психолог из Петербурга, застрявший в теле нью-йоркского мафиози, думал, что самое страшное позади. Но вместо покоя - новая «семья» Феррара, недоверчивые капо и призрак предательства за каждым углом. Тонкая грань между Геной Рябовым и Винни «Мозгоправом» Ла Руссо стирается, и чем крепче держится маска бандита - тем слабее слышен голос психотерапевта внутри.

На этом фоне любовь, кровь и болота Нью-Джерси хранят свои секреты. Но самый страшный вопрос еще впереди: а что, если однажды Геннадий Рябов исчезнет насовсем?

Содержание

Глава 1. Краткое содержание предыдущих серий

4

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Денис Нижегородцев Винсент Иванович - 2

Глава 1. Краткое содержание предыдущих серий

Игорь Ковалев снова сидел передо мной и сжимал подлокотники кресла так, будто собирался не просто встать, а разнести этот кабинет к чертовой матери. Костяшки пальцев побелели, челюсть ходила ходуном – классический случай плохо подавляемой агрессии. Только теперь я смотрел на него не глазами петербургского интеллигента в четвертом поколении, а взглядом Винни «Мозгоправа» Ла Руссо, прошедшего школу ньюйоркских улиц 1970х.

Я сделал пометку в блокноте психолога. Но на этот раз нарисовал не сову, чем развлекался раньше, а схему подчинения в мафиозной семье Феррара. Забавно, как много меняется, когда за спиной – опыт выживания среди тех, кто не признает компромиссов.

– Геннадий Иванович, – Надежда Юрьевна, жена Ковалева, тербила кружевной платочек, уже достаточно намокший от ее слез. – Может, хватит на сегодня? Игорь устал, он весь день работал...

Но Игорь ее перебил:

– Я не устал!

А я мысленно усмехнулся. Вероятность выброса отрицательной энергии – девяносто пять процентов? Сейчас она была гораздо ближе к ста!

– Я просто не понимаю, на кой черт мы сюда ходим! Три месяца уже! А толку ноль! – негодовал клиент.

Не буду долго описывать, как за окном моего кабинета на Петроградке играло лучами солнце, в очередной раз бере-
дить рану, вспоминая белые ночи и разводные мосты. Раньше этот вид напоминал мне о прекрасном мире за стенами психологической консультации. Теперь я видел в нем лишь элемент игры – в одном ряду с воспоминаниями о НьюЙорке, где каждый закат мог стать для меня последним.

Впрочем, эти люди мне платили. Хорошо платили. Как говорим мы, в мафии, каждый доллар должен работать на тебя.

– Игорь Владимирович, – я снял очки и протер их краем свитера. Раньше это помогало выиграть несколько секунд на обдумывание. Теперь это был просто жест – я итак знал, что скажу в следующую секунду: – Давайте вернемся к тому моменту, когда вы упомянули секретаршу. Светлана, кажется?

Надежда Юрьевна подавленно всхлипнула. А Игорь Владимирович побагровел и вскочил на ноги.

– Какая, на хрен, Светлана?! Что ты себе позволяешь?!

Метр восемьдесят пять роста, вес килограммов сто два-

дцать, руки как у грузчика. Раньше я бы сглотнул и инстинктивно прикрыл лицо. Но не сегодня. Теперь я сидел, выпрямив спину и смотрел ему прямо в глаза. В НьюЙорке меня научили одному простому правилу: если показываешь страх – ты уже проиграл.

– Игорь, сядьте, – мой голос звучал твердо, без тени заискивания. – Или, может, предпочитаете, чтобы я вызвал полицию?

Он замер, явно не ожидая такого поворота. Надежда Юрьевна открыла рот, но тоже не издала ни звука.

– Ты издеваешься?! – буйный клиент наконец очнулся и сделал шаг к моему столу. Но я не сдвинулся с места.

– Нет, – я лишь откинулся на спинку кресла, причем сделал это нарочито медленно, демонстрируя буддийское спокойствие. – Я просто предложил выбор. Вы все еще можете сесть и договорить нормально. А если продолжите устраивать здесь сцены, я не стану с этим мириться. У меня нет времени на истерики.

Игорь замер, снова сбитый с толку. Раньше я пытался его успокаивать, переводил внимание на что-нибудь материальное – чай, кофе, не относящийся к делу вопрос. Теперь я играл по другим правилам.

– Что у вас в руке? – спросил я, глядя на бронзовую статуэтку Фрейда, которую он успел схватить со стола. Подарок от коллеги на юбилей. Восемнадцать сантиметров венской бронзы, старик Зигмунд с сигарой. И масса килограмма пол-

тора, не меньше.

– Что у меня в руке?! – клиент потряс массивным артефактом. – Ты три месяца доводишь меня своими вопросами! Лезешь в душу! А теперь еще и про Светку!

Раньше я бы испугался. Начал бы ходить вокруг да около. Теперь я не сюсюкал и не заискивал.

– Положите это немедленно, – мой голос звучал, как в Бруклине, когда я объяснял местным хиппигопникам, что будет, если они не прислушаются к моим словам. – Или я вызываю полицию прямо сейчас. И поверьте, в отделении еще меньше настроены на разговоры по душам.

Он моргнул, все еще не соображая, что происходит:

– Ты что, угрожаешь мне?

– Нет, – я улыбался, но улыбка выходила какой-то жесткой, – это констатация факта. А у вас есть еще секунд пять, чтобы принять решение. Либо мы продолжаем разговор, либо он продолжится в другом месте. Я работаю только с адекватными людьми...

Все это время Игорь сжимал в руках металлическую статуэтку. Словно хрустальную вазу, которая может упасть на пол и разлететься на кучу мелких осколков. Его лицо все еще было багровым от напряжения. Я видел, как он борется с собой: с одной стороны была ярость, с другой – что-то новое, что он вдруг увидел во мне.

– Ну? – я поторопил его с ответом. – Время поджигает! Победила ярость.

Ковалев метнул в меня бронзовым Фрейдом. Я едва успел среагировать – отпрянул назад вместе с креслом, но все равно ударился спиной о книжную полку. Книги посыпались на пол. А Фрейд разбил стекло мини-бара в том же шкафу.

Затем клиент рванул вперед сам, обеими руками схватил край массивного стола и с силой толкнул его на меня. Я только в последний момент отскочил куда-то вбок.

– Игорь, остановись! – заверещала Надежда Юрьевна.

Но он уже никого не слышал. С диким рыком бросился ко мне через стол. Тогда пришлось вспомнить и Бронкс, и Манхэттен, и немного Куинс. Главное не бояться и использовать инерцию противника против него самого. Потому, когда Игорь нанес размашистый удар правой, я уклонился, чуть развернулся в сторону и тут же сделал подсечку – как научил шустрый ирландец во время подпольных боев в клубе у Константиноса. Ковалев, не ожидавший сопротивления, потерял равновесие и рухнул на колени.

– Ты что творишь?! – снова заорал он, пытаясь подняться.

Но я не дал ему этого сделать. Быстрым движением обхватил сзади за шею, зафиксировал локтевым захватом и слегка надавил – ровно настолько, чтобы обездвижить, но не причинить фатального вреда.

– Успокойся, – тихо, но твердо сказал ему на ухо. – Успокойся и послушай меня. Ты злишься не на меня и не на жену. Ты злишься на себя. Потому что знаешь: ты сам все разрушил. И теперь только ищешь, на кого свалить вину.

Клиент замер, тяжело дыша. И на секунду даже показалось, что он готов подчиниться. Правда, в следующий миг Ковалев рванулся в сторону, высвобождаясь из захвата. Резко развернулся и нанес ощутимый удар в челюсть.

Теперь уже я с трудом устоял на ногах. А в голове пронеслось, что в НьюЙорке за такую оплошность могли бы уже и похоронить.

В ответ я отступил на шаг назад, пригнулся и ответил коротким, четким ударом в солнечное сплетение – не со всей силы, но достаточно, чтобы сбить противнику дыхание. Игорь Владимирович охнул и согнулся пополам. Бой был окончен.

– Полиция! Полиция! – в тот же момент завизжала Надежда Юрьевна, размахивая смартфоном, как будто в ее руках был топор. – Я уже вызвала! Они едут!

Женщина закрывала собой путь к выходу и стояла на смерть. Мы с Ковалевым оглядели разгромленный кабинет: опрокинутый стол, разбросанные книги, Фрейд в осколках стекла. Все это мало напоминало обычный прием у специалиста.

– Ты... ты совсем с ума сошел, – констатировал мой последний клиент. – Ты не психолог. Ты...

– ...Мозгоправ, – закончил я за него. И у самого пробежал холодок по коже.

Тем вечером я окончательно понял, в чем отличие между психологом и Мозгоправом. Петербургский интеллигент

Геннадий Рябов остался в прошлом. Слабообразованный качок Винсент Ла Руссо стал моим будущим.

Правда, пришлось еще немного повозиться с формальностями.

– Полиция! Открывайте! – Из коридора послышался топот ног. Затем громкий стук в дверь. И вход без приглашения.

Двое в форме сотрудников российского МВД на самом деле мало отличались от офицеров нашего отделения на Манхэттене. Лениво окинули взглядом поле боя. Поржали над моей подбитой губой и раскрасневшимся лицом Ковалева.

– Что здесь происходит? – строго спросил старший.

– Он напал на него! – воскликнула жена Ковалева и указала куда-то в нашу сторону.

– Это он начал! – перебил Игорь Владимирович, указывая на меня. – Он угрожал мне!

Полицейские перевели взгляды на психолога, то есть на меня. И поначалу как будто не поверили, что в этом достаточно тщедушном теле с интеллигентным лицом в очках может укрываться виновник происшествия.

– Вы оба, собирайтесь, поедете с нами! – отрезал старший. – Разберемся на месте.

Я вздохнул и ударил себя рукой по лицу. В голове мелькнуло: ну вот, прямо как в НьюЙорке 1978го. Хотя за окном тлело слабое питерское солнце и нависало воспетое русскими классиками свинцовое небо. Весь мир – поле битвы, это

я уже понял...

Потом мы сидели в «обезьяннике» – тесной камере с зарешеченной дверью, куда уже заселилась пестрая компания из местных отморозов. Парни в спортивных костюмах будто были проездом из 90-х, шумели, ругались, лениво перекидывались какими-то несмешными приколами. Рядом, привалившись к стене, дремал бывалый сиделец со шрамом в пол-лица и наколкой «Не забуду мать родную» на запястье. В углу курили, выпуская дым в вентиляционную решетку.

Я огляделся и внутренне содрогнулся. Все это слишком напоминало ньюйоркские каталажки 70х – тот же запах пота, табака и безысходности, те же лица, в которых смешались наглость и отчаяние. Только вместо итальянских гангстеров – русские гопники.

– Реебзя, гляньте, – протянул один из них, лысый парень с массивным крестом на шее, – фраера пожаловали...

Его приятель, с гигантской татуировкой в виде славянских рун, хрипло рассмеялся:

– Вот это они попали!

Ковалев весь сжался и опустил глаза. Я же, напротив, выпрямился и посмотрел на сокамерника в упор.

– Слушай, – произнес я твердо, но без агрессии, – мы здесь не по своей воле. И нам не нужны проблемы. Так что давай без этих твоих шуточек.

Татуированный сощурился:

– А то что?

Я выдержал паузу, вспоминая, как в Бронксе учил молодежь уму-разуму.

– Ничего, – ответил я спокойно. – Просто всем будет проще, если мы не будем мотать друг другу нервы. Мы посидим тихо, вы продолжите заниматься тем, чем занимались до этого. Все останутся довольны.

Лысый хмыкнул:

– Слышь, очкарик, ты че, крутой, да?

Я медленно встал, подошел ближе. Не слишком угрожающе, но так, чтобы он почувствовал: я не боюсь.

– Крутые бывают только яйца, – сказал я. – А я человек, который попал сюда по недоразумению. И я очень хочу, чтобы следующие несколько часов прошли спокойно. Для всех.

Лысый рассмеялся.

– Ладно, ладно, мир, – он поднял руки. – Сидите себе спокойно.

Татуированный тоже отвел взгляд.

А я вернулся на скамью рядом с Ковалевым. Тот смотрел на своего психолога с нескрываемым удивлением:

– Ты... ты откуда так умеешь?

Я пожал плечами:

– Жизнь научила.

Но внутри грызло не особо приятное чувство. Я смотрел на этих людей, на Ковалева, на грязную стену камеры – и вдруг осознал: я стал тем, от кого когда-то бежал и шарахался.

ся. Петербургский интеллигент, семейный психолог Геннадий Рябов, который ни разу даже не повысил голоса ни на одного из своих клиентов, теперь регулярно применял приемы рукопашного боя и огрызался на матерых уголовников.

Я не лучше тех буйных, которых иногда можно было встретить на моих сеансах. Я хуже. Они хотя бы не притворяются нормальными. А я...

Через час дверь камеры снова открылась. Вошел коп. Хотя здесь их обычно называют ментами. Кивнул моему соседу, не мне:

– Свободен!

И добавил, хотя и не обязан был, отвечая на общий немой вопрос:

– За Ковалева внесли залог.

Мой клиент тут же вскочил на ноги. Бросил на меня быстрый взгляд, в котором одновременно читалось как облегчение, так и злорадство. Напоследок процедил:

– Ну, Рябов, видимо, не всем везет так, как мне.

Где-то читал, что в России под залог выпускают примерно в 0,2% случаев. Не то, что в Штатах, где это общепринятая практика. Значит, Игорю Владимировичу действительно повезло. В том числе с Надеждой Юрьевной, которая и внесла за него необходимую сумму.

А я остался сидеть. У меня не было своей Надежды. Я давно в разводе. И даже секретаршу недавно уволил. За какуюто

ерунду, которая скорее отражала недостатки моего характера, чем ее.

Вот и все. Психолог без практики, без семьи, без поддержки. И с опытом мафиози, который нафиг никому не сдался. Я даже всплакнул! Впервые, наверное, лет за десять.

Пытался сдержаться, даже отвернулся к стенке. Но слезы текли и текли, и я не мог их остановить.

Что со мной? Почему я плачу? Изза того, что сижу в изоляторе временного содержания? Изза того, что некому внести залог? Или изза того, что стал тем, кем даже в страшном сне не планировал становиться?

Рядом кто-то кашлянул. Я поднял глаза – лысый с крестом и татуированный с рунами смотрели на меня как будто даже с сочувствием.

– Эй, – тихо сказал язычник, – ты это... не раскисай. Все норм будет.

Я кивнул и вытер слезы рукавом.

– Все мы там будем, – добавил его приятель и пырнул меня ножом...

Короче говоря, в Питере меня уже ничего не держало.

Я резко сел на скрипучей кровати и еще с минуту хватал ртом воздух. Сердце колотилось так, будто сдавало экзамен в секцию барабанщиков. Пот струился по вискам, рубашка прилипла к спине. В ушах все еще звучали чужие голоса: Ковалева, полицейского, татуированного, лысого...

А потом – тишина.

Не гул полицейского отделения, не голоса уголовников – а просто тишина. И запах. Запах старой штукатурки, прогорклого масла вперемежку с подгоревшим тестом и подза-сохшими кружочками пепперони, а также сигаретного дыма, намертво въевшегося в обои.

Я огляделся. Маленькая, грязненькая квартирка в «Маленькой Италии» на Манхэттене. Ноябрь 1978го. Узкое окно, напоминающее средневековую бойницу, за ним глухой двор с мусорными баками. На стене выцветший плакат с изображением Сицилии. На тумбочке недопитая бутылка виски, пачка «Мальборо», пара патронов и фотография Анджели, перевернутая лицом вниз.

Все это было не сном. Не кошмаром.

Кошмар остался там, в Петербурге 2026го. А здесь – какая-никакая реальность.

Я провел рукой по лицу, вытер пот. Все еще ощущались фантомная боль от удара в челюсть, слезы в КПЗ, стыд за то, кем стал. Но то был сон. А вот это – настоящее.

Я Винсент – Мать его – Ла Руссо!

И я уже полгода живу в НьюЙорке. Уже не как психолог, не как интеллигент в энном поколении, а как мафиози. Бандит. Гангстер. Человек, который не просто угрожает, но действует. И иногда даже убивает других людей.

Я встал и подошел к зеркалу. В отражении расплылось лицо моей новой личности: резкие черты, шрам над бровью,

взгляд уверенный и немного кровожадный. Изначально не мой взгляд. Но теперь вполне мой.

В голове снова пронеслись воспоминания – короткие, рваные, как кадры старого фильма с зажеванной пленкой. Моя предыстория. Мои полгода в теле итальянского отморозка.

Я отошел от зеркала, взял пачку сигарет. Руки все еще дрожали после сна. Глаза немного слезились.

Питер... Гена Рябов... Все это было. Но это больше не мое. Новые воспоминания пропитаны запахом ньюйоркских улиц и привкусом итальянской крови на губах.

Все началось с первоначального шока – я очнулся в чужом теле летом 78го и долго не мог поверить, что это не сон. Винсент Киркпатрик Ла Руссо – 28летний итало-ирландо-американский гангстер с темным прошлым и долгами перед мафией. Его жизнь, его проблемы, его ошибки теперь стали моими.

Первое время я действовал на автопилоте, пытаюсь уцелеть в мире, где правила диктовали кулаки и стволы. Семья Пистолоцци, перед которой у Винни накопились долги, не церемонилась: меня бросили в самую гущу, заставили выбивать деньги у букмекеров и мелких коммерсантов, запугивать, угрожать. Я не знал местных правил, но быстро понял простую истину: здесь либо ты, либо тебя.

В те дни я впервые убил человека. Представителя противоборствующей (на тот момент) группировки – он напал первым, я защищался. Но факт остается фактом: я пересту-

пил черту. В памяти до сих пор звук выстрела, запах пороха, взгляд умирающего. С этим мне теперь жить.

Параллельнорушилась и моя личная жизнь. Анджела, подруга гангстера, чье тело я позаимствовал, не приняла «нового Винни». Раньше он был горячим и безрассудным – бросался в драку без раздумий. Теперь же я действовал иначе: взвешивал риски, искал обходные пути, старался решать проблемы без лишней крови. Она смотрела на меня сначала с недоумением, потом с обидой. «Ты уже не тот Винни, которого я знала!» – сказала она перед уходом, оставив после себя лишь фотографию на тумбочке – ту самую, перевернутую лицом вниз.

Да, мои нестандартные методы не остались незамеченными. Семья Феррара обратила внимание на «умного Винни». Лука Сантини – правая рука дона Витторио – оценил мою способность решать проблемы без лишнего шума. И после нескольких максимально опасных приключений мне предложили перейти к ним. Вернее, сделали предложение, от которого нельзя отказаться. Посвящение в «солдаты» Феррара стало поворотным моментом в моей гангстерской биографии: я официально стал частью их структуры, получил как защиту, так и новые обязанности.

А потом была встреча с Айгерим. На БрайтонБич я оказался случайно, в тот момент, когда на нее напали несколько недо-мафиози – желторотых итальянских хулиганов, по которым еще недавно плакала «детская комната полиции».

Они окружили девушку в темном переулке и отняли сумку. Я разобрался. А она посмотрела на меня так, как будто увидела кого-то родного. «У тебя глаза нездешние», – сказала она.

Айгерим и сама могла бы стать островком чегото родного в этом чужом для меня мире. Всего за одну прогулку вдоль океана она успела рассказать мне многое о Советском Казахстане, вместе мы перекусили странными блюдами со специями, которых я никогда раньше не пробовал, смеялась она тоже поособенному – тихо, но заразительно. После расставания с Анджелой меня все сильнее влечет на БрайтонБич, к ней. Она сказала, что в выходные работает на местном рынке – если я захочу увидеться, это легче всего будет сделать там.

А вместо того, чтобы наказать хулиганов, я предложил им сделку. «Вы тупые и невоспитанные малолетние ублюдки, но я еще не поставил на вас жирный крест, вы все еще можете принести пользу, если не обществу, то лично мне», – примерно так рассуждал я. Они согласились, и на завтра у нас назначена встреча. Я собираюсь дать им первое серьезное задание...

Но прежде, чем я туда пойду, мне нужно на рабо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.